

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

Новая книга о культуре о. Пасхи

(Alfred Métraux, *Ethnology of Easter Island* (Bernice P. Bishop Museum, Bull. 160), Honolulu. Hawaii, 1940, 43).

Происхождение культуры острова Пасхи — одна из интереснейших и сложнейших проблем этнографии, давно привлекающая к себе внимание исследователей. Об этом небольшом островке, затерянном в просторах Тихого океана, существует целая литература, и не в одну сотню названий. Что придает особую трудность, но и особый интерес проблеме, — это контраст между величественными памятниками прошлого и современным бедственным состоянием малочисленного туземного населения, не имеющего никакого представления об этих памятниках и их значении. Кто и зачем строил эти огромные каменные статуи? Кто и как переносил их и расставлял по циклопическим каменным площадкам, растянувшимся по побережью вокруг всего острова? Откуда взялись и что означают загадочные письмена, покрывающие деревянные таблички, немногие уцелевшие от благочестивого фанатизма католических миссионеров? Могла ли вообще эта ныне погибшая культура, сравнительно высокая и сложная, быть создана в условиях маленького изолированного острова, который едва ли вмещал больше 3—4 тыс. населения?

Для решения этих вопросов нужно прежде всего знать факты. А за серьезное собирание и изучение фактического материала исследователи взялись, к сожалению, поздно, когда многое уже нельзя было изучить после погрома, учиненного перуанскими работорговцами (1862), и истребления старых писем миссионерами (1864). Старая культура пришла в полный упадок, и недостаток точных знаний пришлось восполнять легендами и более или менее рискованными гипотезами, вплоть до теории о потонувших архипелагах (Макмиллан Браун) или теории индийского происхождения письменности о. Пасхи (Хевеши). Экспедиция миссис Раутледж 1914—1915 гг. спасла и собрала все, что к этому времени еще сохранилось из остатков старой культуры о. Пасхи. Но материалы этой экспедиции опубликованы до сих пор лишь частично. Франко-бельгийская экспедиция 1934—1935 гг. застала еще меньше сохранившихся следов прошлого. Но в составе ее были крупные ученые, в том числе Альфред Метро, автор рецензируемой книги, и экспедиция сильно продвинула вперед разрешение проблемы.

Добросовестный и широко образованный исследователь, известный ранее своими работами по этнографии Южной Америки, Метро очень серьезно взялся за трудную проблему. Острову Пасхи были посвящены еще прежде несколько его статей в разных журналах (1936—1938), в одной из которых он между прочим подвергает критике теорию Хевеши о связи письменности о. Пасхи с иероглификой Мохенджо Даро («Anthropos», 33, 1938). В настоящей же книге собран и систематически изложен материал по этнографии о. Пасхи. Не ограничиваясь материалами собственной экспедиции, Метро дает здесь и хорошую сводку всего известного из прежней литературы. В этой книге ценно прежде всего подробное и систематическое изложение фактического материала. Уже одно это весьма важно, потому что прежние авторы зачастую неточно описывали факты, преувеличивали особенности культуры о. Пасхи, сгущали краски в сознательном или бессознательном стремлении усилить «загадочность» этой культуры. Это обстоятельство отмечает сам Метро. Так, он указывает, что некоторые авторы преувеличивали скудность естественных ресурсов острова, контрастирующую с богатством культуры. В литературе нередко преувеличивали огромность каменных статуй, которые, как указывает Метро, не превосходят своим весом 4—5 тонн, и их не так уж трудно было передвигать; более же крупные статуи, до 20—30 тонн весом, не передвигались на большие расстояния, а ставились вблизи каменоломен, где их выделывали. Это строго критическое изложение точных

фактов, устранение всех гиперболических представлений — само по себе составляет большую заслугу автора. Это первый шаг к правильному, научному решению проблемы, которую давно пора освободить от досужих фантазий. Вторым и не менее существенным шагом в том же направлении является то, что Метро очень удачно применил метод сравнительного анализа. Он сопровождает изложение фактического материала по каждому разделу сравнительными данными по другим островам Полинезии. Богатая эрудиция автора позволяет ему приводить параллели метко и верно. И вот оказывается, что почти каждое явление культуры о. Пасхи находит свои аналоги в той или иной части Полинезии. Шаг за шагом, ведя читателя по разным сторонам и элементам культуры о. Пасхи, автор убедительно показывает, что эта культура не так уж изолирована, не так уникальна. Красной нитью проходит через все изложение основная идея Метро: культура о. Пасхи — чисто полинезийская по своему происхождению и характеру, она выросла из общеполинезийских источников, а своеобразие ее объясняется лишь местными условиями развития. Не нужно предполагать никаких катастроф, ни посторонних влияний, чтобы понять происхождение этой «загадочной» на первый взгляд культуры. Автор не видит также серьезных оснований говорить, как это многие делали, о двух расах, борющихся между собой за обладание островом, о наличии здесь более раннего меланезийского (негроидного) населения и о параллелях, якобы существующих с культурой Меланезии.

Чтобы яснее показать, как автор приходит к этим выводам, дадим краткий обзор содержания книги Метро.

Автор начинает с обстоятельного географического очерка о. Пасхи, показывая, что остров не так уж беден ресурсами. Земля его плодородна, лес все же был и, как ни мал остров (55 кв. миль), он мог прокормить 3—4 тыс. жителей. Далее автор включает в свою книгу очерк антропологии о. Пасхи, написанный американским антропологом Шапиро. По своим расовым признакам островитяне — типичные полинезийцы; однако признаки этой расы здесь как бы усилены, что автор объясняет условиями изоляции и «инбридинга». Меланезийской примеси не обнаруживается. Больше всего сходства в расовом отношении островитяне Пасхи обнаруживают с жителями Мангаревы, но есть и черты, близкие к маорн Новой Зеландии, к обитателям Маркизских о-вов и Туамоту. Язык островитян чисто полинезийский, хотя в последнее время он сильно засорен европейскими словами.

Изложив кратко историю взаимоотношений туземцев с белыми и быстрый упадок их культуры, автор обращается к сохранившимся источникам для изучения древнейшего прошлого о. Пасхи. Он приводит тексты своих новых записей древних легенд о Хоту Матуа, культурном герое и первом колонизаторе острова, о борьбе Длинноухих с Короткоухими и пр. и сопоставляет разные версии генеалогии местных королей.

Что касается социальной организации туземцев о. Пасхи в новейшее время, то Метро честно заявляет, что не мог о ней много узнать, будучи увлечен, главным образом, изучением прошлого. 456 человек туземцев (все современное население) живет в 50 домах, т. е. по 9 человек в среднем в доме: такой сравнительно большой средний состав семьи Метро объясняет обычаем принимать в свою семью родственников и друзей, что, может быть, является остатком большой семьи (ivi).

Вопреки ходячему мнению, плодovitость туземцев велика, и рождение детей всегда составляет радость для семьи. Есть остатки возрастных посвятительных обрядов. Половая мораль не отличается строгостью, однако Метро относится с осторожностью к старым сообщениям о крайней половой распущенности, особенно женщин. Автор тщательно анализирует значение социальных терминов «mata», (скорее племя, чем клан), *tihi* (группа, откуда можно брать жен) и пр. Он характеризует 4 класса или ранга, на которые делилось население, отмечая также особые профессиональные группы, отношения рабской или даннической зависимости («*kio*»). О формах собственности, о правовых обычаях, суде и расправе сведения очень скудны.

Раздел, посвященный материальной культуре, особенно интересен. Автор собрал здесь буквально все, что сохранилось на месте, в музеях и в литературе. Подробно описывается земледелие, рыболовство, типы орудий, постройки, лодки, техника плетения, изготовление тапы, одежда, украшения, деревянная резьба, каменные орудия и пр. Для каждого элемента культуры подыскиваются сходные и родственные формы в других частях Полинезии. Автор не оставляет без внимания, конечно, известные каменные площадки — «аху», о которых высказывалось столько предположений. Он указывает, между прочим, на один важный факт, свидетельствующий против «теории катастрофы», согласно которой о. Пасхи имел прежде будто бы более крупные размеры: почти все «аху» расположены вдоль побережья острова: хотя морские волны местами подмывают берег, но «аху» ими не разрушаются, и ясно, что аху были построены вблизи берега, там, где они стоят и сейчас. Описав подробно каменные площадки, разделив их на несколько типов, Метро указывает на наличие аналогий на других полинезийских островах: Мангарева, Туамоту, Таити, о. Неккера в Гавайской группе; самое слово «аху» известно и другим полинезийцам,

хотя не совсем в том же значении. Метро предполагает, что «аху» представляют собой очень древнее явление в Полинезии и что в центральной Полинезии эти ритуальные площадки превратились в священную ограду («марае») лишь после того, как предки островитян Пасхи выселились оттуда.

Особое внимание уделяет автор, естественно, каменным статуям. Прежде всего он отмечает факт, на который ранее не обращали внимания: на о. Пасхи есть два вида каменных статуй: одни размещены на «аху» вдоль побережья, другие — вблизи тех каменоломен Рано-рараку, где они выделялись из мягкого туфа. Между этими двумя видами есть различия: статуи на аху меньше размерами и снабжены расширенным основанием, статуи же, расположенные вблизи Рано-рараку, имеют внизу клиновидное заострение для всаживания в почву, а главное — они больше по размерам и, очевидно, не предназначались для дальних передвижений (последнее, впрочем, отмечала и миссис Раутледж). Чем дальше от места выделки, тем в общем меньше размер и вес статуй. Передвигать их было, по мнению автора, не так трудно: это облегчалось ровным характером местности, поросшей, кстати, высокой и скользкой травой. На скалистом северном берегу нет статуй, перенесенных из Рано-рараку, а есть только статуи из местного базальта. Хотя теперешние туземцы не помнят о том, как передвигались статуи, но это не значит, что последние относятся к очень отдаленному времени: войны и другие потрясения в середине XIX в. привели к быстрому забвению всех культурных традиций. В противовес прежним скороспелым теориям, Метро очень осторожно высказывается о назначении статуй. Нет прямых доказательств, что они были предметом поклонения. Более вероятно, что статуи делались для увековечения памяти умерших, но автор думает, что это был не единственный мотив для столь значительной затраты труда. Самое интересное и в этом вопросе — сопоставление с аналогичными памятниками на других островах. Метро отвергает, как неубедительную, гипотезу Бальфура о связи каменной скульптуры о. Пасхи с Меланезией. Напротив, он видит генетическую связь этой скульптуры с деревянной резьбой, известной на многих островах Полинезии, особенно на Мангарева. Деревянная скульптура, как указывалось уже раньше, вообще предшествовала в Полинезии каменной. Некоторые детали статуй о. Пасхи (плоские поверхности, трактовка рук, контур подбородка) напоминает технику деревянной резьбы. Метро выдвигает следующую гипотезу, которой нельзя отказать в убедительности: «Первые насельники прибыли на о. Пасхи, вероятно, из восточной Полинезии и были знакомы с резьбой человеческих фигур из дерева. За недостатком дерева на их новой родине они применили свое искусство к туфу из Рано-рараку, который податливее камня. Поощряемые обилием туфа и легкостью переноса статуй по открытой стране, они стали делать все более и более крупные статуи, пока каменная резьба не достигла развития большего, чем в других частях Полинезии».

Вопроса о старой религии островитян Пасхи Метро касается лишь кратко, ибо сохранившиеся данные крайне скудны. Интересен один факт: имена великих богов Полинезии — Тангароа, Ту, Хиро, Ронго, Тане — были, несомненно, известны на о. Пасхи, но не видно, чтобы они пользовались особым почитанием. Из почитаемых богов на первое место выдвинулся чисто местный бог Макемаке; Метро предполагает, что Макемаке, быть может, — местное имя бога Тане: автор основывается на связи обоих образов с птичьим культом. Очень ценно собрание довольно большого количества фольклорных текстов, записанных Метро на местном языке и приводимых в дословном переводе: в книге содержится 42 текста сказок и преданий, не считая отдельных текстов, приводимых в оригинале.

Последний раздел книги посвящен знаменитым табличкам с письменами. Автор тщательно собрал все факты, касающиеся этого вопроса. Он не может согласиться с мнениями об особой древности этих табличек и их чужеземном происхождении. Новейшие данные позволяют разбить сохранившиеся таблички с надписями на несколько видов: одни из них относятся к праздникам, другие к умершим, третьи к войнам, четвертые содержат молитвенные тексты. Самые простые и примитивные — первые. Очень важно было бы собрать и систематизировать все знаки, встречающиеся на табличках. Автор проделал это только для одной таблички, расклассифицировав около тысячи знаков. Более полный корпус, составленный ранее епископом Тепано Жоссеном, Метро считает неудачным. Не раз делались опыты расшифровки текстов при помощи стариков-туземцев, помнивших прежнее употребление табличек. Но эти опыты показали, по мнению Метро, лишь то, что знаки на табличках не представляют собой настоящего письма, а скорее мнемонической средство, употреблявшееся при пении заклинаний. «Различные попытки расшифровки табличек установили только один факт, — говорит Метро: — таблички никогда не читались, а использовались при пении заклинаний». Опрашиваемые туземцы всегда лишь разъясняли значение отдельных знаков, но не читали их. Анализ знаков крайне труден, ибо они бесконечно разнообразны и часто комбинируются, образуя сложные знаки. Метро считает, что перед нами система пиктографии, но достигающая высокой степени условности и с более или менее фиксированным числом символов.

Автор выдвигает следующую гипотезу о происхождении этой «письменности».

«Таблички были первоначально дощечками, которые употреблялись людьми ронгоронго (знатоками заклинаний) для отбивания такта при пении. Они украшались резьбой, которая стала связываться с заклинаниями. Символы составили нечто вроде пиктографии в том смысле, что каждый знак получил связь с определенной фразой или группой слов в заклинании. Символы не соответствуют точно определенному заклинанию, но каждая табличка могла использоваться со многими заклинаниями, и с каждым изображением связывались различные фразы. Так как связь между заклинанием и табличкой была довольно слабой, то знаки стали условными и традиционными. Вот что имел в виду осведомитель Раутледж, говоря, что «слова были новые, а буквы старые». Магический или орнаментальный характер знаков вытеснил их пиктографическое значение. Если символы вначале вырезывались на деревянной палке, то легко понять характер «бустрофедон» (т. е. чтение в обоих направлениях попеременно) этого «письма». Несмотря на отсутствие прямых параллелей с другими островами Полинезии, Метро все же считает, что «письменность» о. Пасхи стоит не так уж изолированно: есть известная аналогия ей в мнемонических знаках на Маркизских о-вах, а отчасти и на о-вах Кука, Туамоту и Таити.

В заклинании автор формулирует свои общие выводы о происхождении культуры о. Пасхи. «Воображаемая таинственность о. Пасхи,— говорит он,— основывается на предположении, что культура этого клочка земли была слишком развита, чтобы быть созданной теми туземцами, которые жили там, когда остров был открыт европейцами». Отсюда теория забытой цивилизации, разрушенной природной катастрофой или вторжением. Но «подобные взгляды покоятся на простой спекуляции, а не на наблюдаемых фактах». «Геологическая» теория происхождения или гибели культуры о. Пасхи не подтверждается фактами. Попытки установить связь этой культуры с Меланезией или другими отдаленными областями тоже неубедительны и основаны на поверхностных сходствах. Вообще теорию нескольких культурных или расовых слоев на о. Пасхи Метро отвергает. «Культура о. Пасхи едина». В ней нет ни одного неполоинезийского элемента. Тем более отвергает автор попытку патера Г'юзинде связать о. Пасхи со «свободно-материнско-правовым культурным кругом», как основанную на простом недоразумении и незнании фактов. Гипотеза о культурных связях с Южной Америкой настолько «фантастична или наивна», что Метро даже не считает нужным ее разбирать.

Установив, что «о. Пасхи был заселен одной единственной волной иммигрантов, принадлежащих к полинезийской расе», Метро ставит вопрос: откуда и когда пришли эти иммигранты? Он устанавливает наличие на о. Пасхи всех общеполоинезийских элементов культуры. Напротив, те элементы, которые типичны для западной Полинезии (Бэрроус), на о. Пасхи совершенно отсутствуют, тогда как черты общих с юго-восточной Полинезией и с Новой Зеландией, там много. «Нет сомнения, что о. Пасхи принадлежит к окраинному подрайону центрально-полинезийской культуры». Автор перечисляет элементы культуры, сближающие о. Пасхи с Новой Зеландией (короткая и длинная палочки, один из типов каменных резцов, горизонтальный настил крыши, костяные иглы, слово «кого» в обращении к отцу и пр.) с Туамоту (тип хижины, досчатые лодки, каменные площадки, головной убор из перьев, миф о создании человека, Ронго и Тангароа в качестве предков королей, диалект), с Гавайями (горизонтальный настил крыши, составные рыболовные крючки, каменные ступы, каменные площадки). Особенно много параллелей с о. Мангарева и Маркизскими о-вами. С Мангаревой о. Пасхи сближает: обычай мостить камнями перед домом, тип лодки с поднятыми концами, форма весла, некоторые особенности деревянных изображений, изоляция детей вождя, полная татуировка тела, термины *hi-atua* (жрец) и *hiu-tapu* (общинник), тип святилища, погребальные склепы, выставление трупа на подмостках, корпорации профессиональных заклинателей. С Маркизскими о-вами налицо следующие параллели: домашние куры, изображения на тапе, большие каменные статуи на площадках, горельефная резьба, камнерезное дело, длинные и узкие дощечки, протыкание ушей, полная татуировка тела, стилизованные фигуры с большими глазами, корпорации заклинателей.

Имея в виду эти многочисленные совпадения, Метро считает наиболее вероятным переселение предков островитян Пасхи или с Мангаревы или с Маркизских о-вов. Правда, он видит и существенные различия между культурой о. Пасхи и названных островов, но эти различия объясняются тем, что развитие в течение долгого времени после расселения шло различными путями. Метро полагает, что наличие ряда общих черт с культурой не одного, а многих районов окраинной Полинезии указывает на очень давнее выселение оттуда предков островитян Пасхи. Это выселение имело место до того, как началась дифференциация отдельных локальных культур. Особое сходство с Новой Зеландией объясняется тем, что предки маорийцев отделились от центральных полинезийцев в ту же раннюю эпоху. Это было время, когда «предки туамотцев, мангаревцев, маркизцев и маори обитали на одной и той же группе островов и имели единую культуру»; к ним принадлежали и предки жителей о. Пасхи. Последние, вероятно, выселились с Мангаревы; быть может, это было какое-нибудь побежденное племя, бежавшее под предводительством своего вождя Хоту-Матуа. Из-за недостатка дерева поселенцы о. Пасхи забыли искусство

мореплавания. Дерево стало своего рода драгоценностью — отсюда деревянные украшения. «Единственным локальным изобретением, сделанным островитянами Пасхи, были, повидимому, деревянные таблички». Каждый из районов Полинезии развил какую-нибудь свою сторону культуры: маркизцы татуировку, маори резьбу по дереву и ядентовые изделия. На о. Пасхи такой специальностью стало изготовление огромных статуй. В этом нет ничего чудесного, ничего противоречащего «полинезийскому гению».

«Цель этой книги, — говорит в заключение Метро, — была показать, что о. Пасхи есть локальная полинезийская культура, которая развилась из архаической и недифференцированной полинезийской цивилизации. Но я надеюсь, что из этой книги можно извлечь и другой урок — то, что культуры не статичны, что они не нуждаются во внешних толчках и влияниях, чтобы развиваться и достигнуть известной степени совершенства. На самом уединенном из обитаемых островов мира островитяне Пасхи сумели развить и усовершенствовать культуру, полученную ими от их полинезийских предков на Западе».

И в самом деле, прекрасная книга Метро достигает этой цели. В годы, когда в буржуазной науке так сильно увлечение разными ультрадиффузионистскими теориями, когда научная добросовестность так часто приносится в жертву фантастическим построениям в духе «школы культурных кругов» во всех ее разновидностях, — особенно отраднo видеть, как лучшие из зарубежных исследователей не поддаются этому гипнозу. Трезвый ум и научная добросовестность Альфреда Метро приводят его, в результате глубокого анализа фактов, к выводам, созвучным с основными принципами нашей советской этнографической науки. Культура не статична, и она не нуждается во внешних толчках, чтобы идти по пути развития, — это то, что не раз доказывалось и советскими этнографами. Метро нисколько не отрицает роли культурных заимствований и культурной традиции, но он не фетишизирует ни того, ни другого. Что же касается конкретной проблемы о. Пасхи, то в этом отношении книга Метро знаменует собой решительный поворот от фантастических и романтических гипотез к строго научному, серьезному анализу фактов на основе последовательно проводимого метода историзма.

Книга Метро не лишена, конечно, недостатков. Она все же неполна. Автор слишком бегло касается историографии вопроса о культуре о. Пасхи, отделяясь нередко лишь намеками или вскользь сделанными замечаниями. Он сокращает до минимума полемику, заменяя ее изложением конкретных фактов. Для специалиста этих беглых замечаний достаточно, но читатель, не знакомый со специальной литературой, предпочел бы, чтобы те взгляды, против которых Метро выступает, были как-то изложены. Далее, история о. Пасхи со времени соприкосновения с белыми затронута тоже слишком кратко. Из какой-то, вероятно, осторожности автор даже не упоминает о печальной роли католических миссионеров в разрушении памятников древней культуры о. Пасхи. Странно, что неполна даже библиография, приводимая в конце книги. Хотя она состоит из 230 названий, но здесь отсутствуют почему-то работы Хевеши и Гейне-Гельдерна, с которыми полемизировал прежде сам автор. Неужели он считает эти работы не заслуживающими упоминания даже в библиографическом списке?

По существу же взглядов Метро надо сказать, что, хотя основной его тезис — о чисто полинезийском происхождении культуры о. Пасхи — обоснован им с достаточной убедительностью, тем не менее это не означает, что следует прекратить всякие попытки отыскать исторические связи этой культуры с другими, более отдаленными районами. Пусть культура о. Пасхи — плоть от плоти полинезийской культуры, но ведь эта последняя сама-то имеет по всей очевидности довольно далекие связи на западе — в южной и восточной Азии, а может быть и на востоке, в Америке. Мало того: даже вопрос о возможности исторической связи с древнеиндской цивилизацией, о возможности сохранения в «письменности» о. Пасхи каких-то отдаленных реминисценций иероглифического письма Мохенджо-Даро, вопрос, поднятый Хевеши, не может, думается нам, быть совершенно снят с порядка дня. Полемику по этому вопросу нельзя считать законченной — по крайней мере до тех пор, пока не доведен до конца анализ всей системы «письма» о. Пасхи и пока не расшифрована иероглифика Мохенджо-Даро. Наука не сказала здесь еще своего последнего слова.

Отмеченные недостатки книги Метро однако невелики в сравнении с ее крупными достоинствами. Она бесспорно составляет очень большой вклад в науку, значительный шаг вперед в изучении культур Океании.

Представляется весьма желательным перевод книги на русский язык. Она бесспорно найдет себе многочисленных читателей в советской стране.

С. Токарев